

УДК 349

*В.Е. Зварыгин***ЗАЩИТА ИНФОРМАЦИОННЫХ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА
В РОССИЙСКОМ УГОЛОВНОМ ПРАВЕ**

Рассматривается вопрос уголовно-правовой охраны права на информацию. Показано эволюционное развитие института прав человека (права первого, второго и третьего поколений). Право на информацию отнесено к правам четвертого поколения. Также исследуется связь между возникновением постиндустриального общества и всеобщим признанием права на информацию. Дана общая классификация информационных прав. К охраняемой государством официальной информации отнесена служебная, банковская, коммерческая тайна, кредитные истории, персональные данные. Определено место права на информацию как объекта преступления в системе правовых норм действующего уголовного закона. Преступления в рассматриваемой сфере разделены на посягающие на право человека на информацию (статьи 137, 138, 140, 237, 310 УК РФ и др.) и на информационную безопасность общества и государства (статьи 276, 283, 327 УК РФ и др.). Проведен анализ важнейших уголовно-правовых норм, обеспечивающих неприкосновенность частной жизни, тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений (статьи 137, 138 УК РФ), предоставление государством информации, непосредственно затрагивающей права и свободы гражданина (ст. 140 УК РФ).

Ключевые слова: информация, информационная безопасность, уголовно-правовая охрана, соблюдение прав и свобод.

Соблюдение и уважение прав и свобод личности являются одними из самых важных, «конструктивных» признаков правового государства. Это положение доктрины, которое доказывалось многими учеными (например, уважительное отношение к правовой личности всякого члена государственного целого и союза этих членов, по мнению С.А. Котляревского, есть главнейшая задача правового государства [1]), сегодня становится аксиомой. Все больше исследований посвящается не столько самим правам и свободам человека и гражданина, сколько их гарантиям, охране, защите.

Представляется, что государство, провозглашающее себя правовым (ст. 2 Конституции Российской Федерации), обязано совершенствовать механизмы обеспечения не только традиционных прав и свобод, которые известны законодательству уже достаточно давно, но и обращать внимание на те права, которые только появляются, приобретают все большее значение для отдельно взятой личности и общества в целом.

При выявлении именно тех прав и свобод, которые относительно недавно получили свое признание, а следовательно, механизмы их обеспечения и защиты еще не разработаны, нельзя не обратиться к делению субъективных прав человека на поколения. Выделение поколений прав в значительной мере условно, но оно наглядно показывает эволюцию развития данного института, историческую связь, общий прогресс в этой области [2].

Для осуществления прав первого поколения (право на жизнь, свободу, личную неприкосновенность и безопасность, на свободу от произвольного ареста, задержания или ссылки) государства должны воздерживаться от вмешательства в личную сферу и не препятствовать участию граждан в политической жизни общества. Это так называемые негативные права [3]. Реализации прав второго поколения – гражданских и политических – государство должно активно содействовать, их именуют «позитивными» [4]. К третьему поколению прав следует относить коллективные, или солидарные, права, выражающие интересы социальных групп, общностей, народов, международного сообщества (права на развитие, на мир, на здоровую окружающую среду, на общее наследие человечества, на коммуникацию) [5].

Все больше ученых придерживаются точки зрения, согласно которой в современном постиндустриальном обществе, в котором происходит активное развитие информационных систем, формируется четвертое поколение прав. «Четвертое поколение субъективных прав человека состоит из права на информацию и информационных технологий» [6]. Другие ученые относят к этому поколению права, появление которых обусловлено современными открытиями в области биологии, в частности, клонированием [7], а также достижениями в космической области [8].

Постиндустриальное общество, как известно, базируется на знаниях, информации [9]. Именно информационные ресурсы становятся развивающей силой для всех сфер общества. Последние десяти-

летия в России это наглядно доказывается: нельзя не отметить роль информатизации в развитии российской экономики [10], в обеспечении доступности и повышении эффективности судебной защиты с внедрением, сначала в арбитражное судопроизводство, а затем и в суды общей юрисдикции, системы подачи документов в электронном виде. Современный человек за месяц получает и обрабатывает столько же информации, сколько человек XVII в. за всю жизнь, и это при том, что по прогнозам IDC, количество данных на планете будет, как минимум, удваиваться каждые два года вплоть до 2020 г. [11].

В связи с этим заслуживает внимания вопрос о таком новом субъективном праве каждого человека, как право на информацию. Содержание этого права достаточно полно раскрыто как в научной литературе (см., например: [12]), так и в законодательстве (например, ст. 23, 29, 33, 42, 44 Конституции Российской Федерации [13], ст. 6, 8 Федерального закона от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации», ч. 4 Гражданского кодекса Российской Федерации).

Так, только на конституционном уровне это право рассматривается более чем в двадцати конституционно-правовых установлениях, а на более широком законодательном уровне, по оценкам специалистов, в этот институт входят нормы свыше трех десятков законодательных актов [14].

Право на информацию, получившее нормативное закрепление в Конституции Российской Федерации, складывается из отдельных правомочий, представляющих собой самостоятельные субъективные права. В целом их можно разделить на две группы: «права на право» (свобода мысли и слова, свобода массовой информации, право свободно искать, получать, передавать, производить и распространять информацию любым законным способом, право каждого на достоверную информацию о состоянии окружающей среды) и права, призванные реализовывать права первой группы (акцент здесь делается преимущественно на формах распространения информации, на хранении и использовании документированной информации, на информационных технологиях и защите информации, на защите прав и свобод человека и гражданина при обработке его персональных данных, в том числе на защите прав на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну [15]).

В связи с тем, что роль информационных прав в жизни как отдельной личности, так и всего общества растет, представляется важным рассмотреть вопрос об уголовной охране права каждого на информацию. Преступников особенно интересует служебная, банковская, коммерческая тайны, кредитные истории, персональные данные и иная охраняемая государством официальная информация. Нередки случаи, когда незаконно полученная охраняемая государством официальная информация вовлекается в гражданский оборот [16].

Первое, что обращает на себя внимание при анализе статей Уголовного кодекса российской федерации (далее – УК РФ) – отсутствие классификации преступлений, прямо или косвенно посягающих на право на информацию, в одной главе или даже разделе УК РФ. Такие составы преступлений можно найти, например, в гл. 17, 19, 21, 22, 29, 32, 34 УК РФ.

Это связано, прежде всего, с тем, что законодатель такой объект преступления, как право на информацию, не выделяет в качестве основания для отдельной главы в УК РФ. Каждый состав преступления, предусматривающий ответственность за посягательство на информационную безопасность, предусматривает иной, более абстрактный (с точки зрения структуры УК РФ) объект преступления. Однако все составы преступления в рассматриваемой сфере можно разделить на посягающие на право человека на информацию (например, ст. 137, 138, 140, 237, 310 УК РФ) и на информационную безопасность общества и государства (например, ст. 276, 283, 327 УК РФ).

Безусловно, основные составы преступлений, обеспечивающие информационную безопасность личности, содержатся в гл. 19 УК РФ «Преступления против конституционных прав человека и гражданина». Данная глава не претерпевает столь же много изменений, как, например, гл. 22 УК РФ «Преступления в сфере экономической деятельности», что вполне объяснимо устойчивостью конституционных правоотношений и изменчивостью отношений в экономической сфере. Но и конституционные отношения могут приобретать свою специфику с развитием, например, информационных технологий. В связи с этим рассмотрим некоторые аспекты охраны права человека на информацию в УК РФ при современном уровне информатизации общества. Отметим, что анализируемые в настоящей статье составы преступлений не являются единственными, призванными обеспечивать уголовно-правовую охрану этого права.

Одной из важнейших составляющих права человека на информацию является право на неприкосновенность частной жизни, то есть на сохранение в конфиденциальности информации о частной жизни лица. Каждый имеет право на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну,

защиту своей чести и доброго имени – так гласит ч. 1 ст. 23 Конституции Российской Федерации. Это неотъемлемое право любого человека находится под уголовной охраной (ст. 137 УК РФ «Нарушение неприкосновенности частной жизни»).

Как отметил Конституционный Суд Российской Федерации, исходя из предписаний ст. 23 (ч. 1) и 24 (ч. 1) Конституции Российской Федерации, конфиденциальным характером обладает любая информация о частной жизни лица, а потому она во всяком случае относится к сведениям ограниченного доступа. Право на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну означает предоставленную человеку и гарантированную государством возможность контролировать информацию о самом себе, препятствовать разглашению сведений личного, интимного характера; в понятие «частная жизнь» включается та область жизнедеятельности человека, которая относится к отдельному лицу, касается только его и не подлежит контролю со стороны общества и государства, если носит непротивоправный характер [17].

Далее Конституционный Суд РФ делает вывод о том, что лишь само лицо вправе определить, какие именно сведения, имеющие отношение к его частной жизни, должны оставаться в тайне, а потому сбор, хранение, использование и распространение такой информации, не доверенной никому, не допускается без согласия данного лица, как того требует Конституция Российской Федерации.

Исходя из таких разъяснений можно сделать вывод, что предмет преступления, предусмотренного ст. 137 УК РФ – информация о частной жизни лица, формируется самим потерпевшим, именно от него зависит, следует ли отнести ту или иную информацию к сведениям о его частной жизни. Этим и объясняется то, что уголовное дело по признакам состава преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 140 УК РФ «Отказ в предоставлении гражданину информации», возбуждается только по заявлению самого потерпевшего и при этом (в силу повышенной общественной опасности и превентивной функции уголовной ответственности) прекращению в связи с примирением потерпевшего с обвиняемым не подлежит, то есть является уголовным делом частно-публичного обвинения (ч. 3 ст. 20 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации [18]).

Однако потерпевший в данном случае не должен подменять собой правоприменителя: одного только заявления потерпевшего о том, что те или иные сведения, которые были, например, незаконно распространены, относятся к его частной жизни, недостаточно для привлечения виновного к ответственности. Представляется, что при проверке сообщения о преступлении, а также в ходе производства по уголовному делу надлежит установить, относится ли информация, явившаяся предметом деяния, к общедоступной. Если в законе сведения *прямо не поименованы* как относящиеся к общедоступной информации, которая не подлежит правовой охране, а также не относятся к иной охраняемой законом тайне (например, банковской, налоговой и т.д.), такие сведения следует признавать информацией о частной жизни человека.

Например, во многих выпусках новостей можно встретить кадры, отснятые на улицах города для заполнения видеоряда. Смысловой нагрузки они не несут, их сопровождает комментарии корреспондента, но множество прохожих попадают в объектив телекамеры. В силу подп. 2 п. 1 ст. 151.1 Гражданского кодекса Российской Федерации согласие человека на использование его изображения не требуется, когда изображение получено при съемке, которая проводится в местах, открытых для свободного посещения, или на публичных мероприятиях (собраниях, съездах, конференциях, концертах, представлениях, спортивных соревнованиях и подобных мероприятиях). В таком случае сведения, полученные о попавших в кадр лицах, не будут составлять их личную или семейную тайну, поскольку закон прямо относит такие сведения к общедоступным и исключает их правовую охрану.

Следует отметить, что способ совершения преступления в данном случае не имеет значения. Собранная информация о частной жизни лица может быть не объективирована в материальном носителе. Уголовно наказуемым считается даже незаконное собирание информации, например, путем подслушивания или наблюдения [19].

В ряде случаев собирание сведений о частной жизни лица может быть квалифицировано по совокупности со ст. 138 УК РФ «Нарушение тайны переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений». Состав преступления, предусмотренного этой статьей, также следует отнести к уголовным нормам, обеспечивающим право человека на информацию.

Несмотря на то что состав преступления, предусмотренного ст. 138 УК РФ, на первый взгляд может показаться не самым значимым с точки зрения охраны конституционных прав человека, именно нарушение тайны сообщений граждан в настоящее время приобретает новое значение.

Как следует из диспозиции указанной нормы, перечень сообщений, нарушение тайны которых следует квалифицировать по ст. 138 УК РФ, является открытым («...и иных сообщений граждан»). Следовательно, к таким сообщениям необходимо относить и СМС-сообщения, и сообщения в социальных сетях, и письма электронной почты. О растущей роли указанного состава преступления для обеспечения прав человека свидетельствует и то обстоятельство, что по действующему законодательству любой гражданин вправе направить обращение в государственный орган Российской Федерации, субъекта Российской Федерации или орган местного самоуправления в электронной форме [20].

Также представляется неоднозначным решение вопроса в случае, когда лицо получает доступ к электронной переписке другого человека при неосторожности последнего. Например, пользователь социальных сетей не вышел из своей учетной записи на публичном компьютере (например, в интернет-кафе). Следующий пользователь получает доступ к его персональным данным, к переписке, получает возможность беспрепятственно передать огласке содержание сообщений такого пользователя.

В литературе высказано мнение, что ознакомление с содержанием переписки с согласия одного из абонентов, хотя и нарушает указанные конституционные права другого, но не образует состава преступления, предусмотренного ст. 138 УК РФ [21].

Представляется, что содержание п. 2 ст. 158 ГК РФ, определяющее, что в данном случае пользователь своими конклюдентными действиями выразил согласие на ознакомление со своими сообщениями, не может быть положено в основу решения вопроса о наличии признаков состава преступления.

Принимая во внимание формальную конструкцию состава ст. 138 УК РФ, любое незаконное получение доступа к сообщениям граждан следует признавать нарушением конституционного права на тайну сообщений.

В то же время следует учитывать положения ч. 2 ст. 14 УК РФ «Понятие преступления» о малозначительности деяния. При решении вопроса о наличии состава нарушения тайны переписки, телефонных переговоров и иных сообщений граждан необходимо основываться на всех обстоятельствах дела: отношения с потерпевшим, мотивация поведения, частота случаев нарушения, способ совершения деяния и т.д. Отсутствие общественно опасных последствий, единственный факт такого действия дают основания для вывода об отсутствии состава преступления в силу малозначительности деяния [22].

Важнейшим инструментом уголовной охраны права человека на информацию в отношениях с государством является установление уголовной ответственности за отказ в предоставлении гражданину информации, непосредственно затрагивающей его права и свободы (ст. 140 УК РФ).

Как следует из буквального смысла ст. 140 УК РФ, предметом этого состава преступления является информация, выраженная в собранных в установленном порядке документах и материалах, непосредственно затрагивающих права и свободы гражданина, то есть такие документы должны непосредственно затрагивать права и свободы потерпевшего. При этом названное условие входит в число обстоятельств, подлежащих установлению в уголовном деле.

Однако, наряду с правами и свободами, в правовой статус личности также входят обязанности. В ряде случаев они имеют даже большее значение для человека, так как предусматривают определенные дополнительные обременения его свободы, предписывают совершить какие-либо действия или воздержаться от них. Однако для квалификации отказа в предоставлении документов, которые устанавливают для гражданина обязанности (в том числе ответственность), по ст. 140 УК РФ необходимо прибегать к расширительному толкованию, что в уголовном праве в большинстве случаев не допускается [23], поскольку установление информацией, в предоставлении которой отказано, обязанностей в качестве признака предмета преступления в ст. 140 УК РФ отсутствует.

Также следует обратить внимание на специфику объективной стороны состава преступления, предусмотренного ст. 140 УК РФ. В законе названы три формы деяния: отказ в предоставлении информации, предоставление неполной информации и предоставление заведомо ложной информации. Если с последними двумя действиями сложностей не возникает, то квалификация отказа может вызывать затруднения.

Дело в том, что уголовный закон не называет еще одну форму деяния, при которой нарушается право гражданина на получение информации от государственных органов – уклонение от предоставления информации (бездействие).

В литературе эту форму, как ни странно, относят к объективной стороне преступления, причем в качестве четвертого, самостоятельного варианта деяния (см., например: [22]). Между тем к этому

нет никаких законных предпосылок: преступлением может считаться только то деяние, которое, в том числе, запрещено УК РФ (ч. 1 ст. 14 УК РФ). Однако неправомерное уклонение от предоставления информации, а равно непредоставление ее в принципе формально не запрещено УК РФ.

Как отмечается в доктрине уголовного права, к отказу в предоставлении информации следует отнести прямой отказ, устный или письменный, а к уклонению от предоставления информации следует отнести активное поведение, выражающееся в завуалированных формах отказа в виде непредоставления информации под различными предлогами, не имеющими ни юридических, ни фактических оснований (например, ссылка на отсутствие запрашиваемой информации, которая фактически имеется), а также бездействие, когда виновный не дает ни устного, ни письменного ответа на запрос [21].

По нашему мнению, в подобном случае деяние надлежит квалифицировать как отказ в предоставлении информации, поскольку УК РФ, в отличие от доктрины, не делает различий между отказом в форме действия или бездействием. Поэтому под отказом в предоставлении информации по смыслу ст. 140 УК РФ следует понимать прямой отказ, уклонение от предоставления информации, а также ее непредоставление в установленный законом срок, поскольку во всех этих случаях, в отличие от иных форм деяний, прямо названных в ст. 140 УК РФ, гражданин не получает информацию, на получение которой он имеет право, в полном объеме.

Безусловно, необходимость такого толкования вызвана пробелом в УК РФ, который необходимо устранить, дополнив ст. 140 УК РФ соответствующими формами деяния.

Таким образом, увеличение объема информации, принадлежащей человеку, предъявляет новые требования к уголовно-правовым способам охраны права человека на информацию. Своевременное реагирование на изменения в информационной сфере, в том числе в области электронного взаимодействия гражданина и государства, позволит выработать новые способы обеспечения права человека на информацию, реализация которых способна привести к ускоренному развитию в России информационного постиндустриального общества и правового государства, охраняющего информационную сферу каждого человека не меньше, чем другие, более традиционные права и свободы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Котляревский С.А. Сущность парламентаризма. М., 1913. С. 297.
2. Батырь В.А. Международное гуманитарное право: учебник для вузов. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Юстицинформ, 2011. 688 с. // СПС «КонсультантПлюс».
3. Международная и внутригосударственная защита прав человека: учебник / А.Х. Абашидзе, З.Г. Алиев, К.Ф. Амиров и др.; под ред. Р.М. Валеева. М.: Статут, 2011. 830 с. // СПС «КонсультантПлюс».
4. Назаров Д.Г. Пределы и ограничения прав и свобод человека и гражданина в России // Законы России: опыт, анализ, практика. 2016. № 1. С. 87-92.
5. Тузмухамедов Р.А. «Третье поколение прав человека» и права народов // Советское государство и право. 1986. № 11. С. 106-113.
6. Стахова В.В. Особенности реализации права человека на информацию в России через средства массовой информации: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2005. С. 56-57.
7. Права человека в современном мире // Марксизм и современность. 2000. № 1 (15).
8. Венгеров А.Б. Теория государства и права: учебник. М., 2004. С. 47.
9. Иноземцев В.Л. Современное постиндустриальное общество: природа, противоречия, перспективы. Введение. М.: Логос, 2000. С. 67-68.
10. ИКТ-компетенции как фактор социально-экономического развития России / под ред. Ю.Е. Хохлова, С.Б. Шапошника. М.: Институт развития информационного общества, 2012.
11. BigData шагает по планете // Российская газета. URL: <https://rg.ru/2013/05/14/i№fa-site.html>
12. Информационное право: учебное пособие / В.И. Лапин, М.А. Лапина, А.Г. Ревин; под ред. И.Ш. Киялханов. М.: Закон и право; ЮНИТИ-ДАНА, 2004. С. 67.
13. Графский В.Г. Основные концепции права и государства в современной России (по материалам круглого стола в Центре ИРЛ РАН) // Государство и право. 2003. № 5. С. 23.
14. Рамазанова З.Р. К вопросу о понятии конституционного права гражданина на информацию о деятельности органов власти в Российской Федерации // Административное и муниципальное право. 2011. № 9. С. 59-64.
15. Мархгейм М.В., Гавришов Д.В. Проблемы развития юридического содержания права граждан на информацию // История государства и права. 2008. № 10.
16. Борзенков Г., Букалорова Л. Ослабление правовой охраны информации неоправданно // Уголовное право. 2008. № 3.

17. Определение Конституционного Суда РФ от 28.06.2012 № 1253-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Супруна Михаила Николаевича на нарушение его конституционных прав статьей 137 Уголовного кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».
18. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ // Парламентская газета. 2001. 22 дек.
19. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный) / А.А. Ашин, А.П. Войтович, Б.В. Волженкин и др.; под ред. А.И. Чучаева. 3-е изд., испр., доп. и перераб. М.: КОНТРАКТ, 2011. 1086 с.
20. Федеральный закон от 02.05.2006 № 59-ФЗ «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации». Ч. 3 ст. 7 // СПС «КонсультантПлюс».
21. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации. Особенная часть. Разд. VII–VIII: в 4 т. (постатейный) / А.В. Бриллиантов, А.В. Галахова, В.А. Давыдов и др.; отв. ред. В.М. Лебедев. М.: Юрайт, 2017. Т. 2. 371 с.
22. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации: в 2 т. (постатейный) / А.В. Бриллиантов, Г.Д. Долженкова, Э.Н. Жевлаков и др.; под ред. А.В. Бриллиантова. 2-е изд. М.: Проспект, 2015. Т. 1. 792 с.
23. Смирнова С.Н. Уголовно-правовая характеристика понятия безвозмездности применительно к преступлениям против собственности, совершаемым при исполнении обязанностей воинской службы // Военное право. 2014. № 4.

Поступила в редакцию 11.09.2018

Зварыгин Валерий Евгеньевич, кандидат юридических наук, доцент,
заведующий кафедрой уголовного права и криминологии
ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет»
426034, Россия, г. Ижевск, ул. Университетская, 1 (корп. 4)
E-mail: ipsub@jf.uni.udm.ru

V.E. Zvarygin

PROTECTION OF THE HUMAN RIGHTS TO INFORMATION IN RUSSIAN CRIMINAL LAW

The issue of criminal law protection of the right to information is considered. The evolutionary development of the institution of human rights (the rights of the first, second and third generations) is shown. The right to information is assigned to the rights of the fourth generation. The relationship between the emergence of a postindustrial society and universal recognition of the right to information is also shown. Legislative securing of the right to information is disclosed. The general classification of information rights is given. Official information protected by the state includes official, banking, commercial secrets, credit histories, personal data. The place of the right to information as an object of crime in the system of legal norms of the current criminal law is disclosed. The crimes in this sphere are divided into encroachments on the human right to information (articles 137, 138, 140, 237, 310 of the Criminal Code of the Russian Federation, etc.) and information security of society and the state (articles 276, 283, 327 of the Criminal Code of the Russian Federation, etc.). The analysis of the most important criminal law provisions ensuring the inviolability of private life (article 137 of the Criminal Code of the Russian Federation), the secrecy of correspondence, telephone conversations, postal, telegraphic and other communications (article 138 of the Criminal Code), the provision by the state of information directly affecting rights and freedom of the citizen (article 140 of the Criminal Code of the Russian Federation).

Keywords: information, information security, criminal-legal protection, observance of rights and freedoms.

Received 11.09.2018

Zvarygin V.E., Candidate of Law, Associate Professor,
Head of Department of Criminal Law and Criminology
Udmurt State University
Universitetskaya st., 1/4, Izhevsk, Russia, 426034
E-mail: ipsub@jf.uni.udm.ru